

уничтожают себя художники, сжигая себя на быстром огне уже в молодые годы.

Наконец наступает конечная стадия психоза, достигается дно пропасти. Теперь пациент не воспринимает себя даже как комплекс ощущений. Он ощущает полный внутренний распад, он ощущает, что проглоченная им пища не движется по телу, а летит куда-то сквозь бездонные и бескрайние космические пространства. Все другие люди, включая врачей, кажутся ему расплывчатыми тенями, которые он уже не в силах структурировать для себя. Наступает психоз.

Как видим, антропологическое – психиатрическое – объяснение дает вполне убедительную интерпретацию существования математиков и логиков. Это – неуверенные в себе люди, которые не удовлетворены реально окружающим их миром. Они надеются создать новый, лучший, логически возможный мир – но предварительно стремятся с абсолютной надежностью договориться на языке математики и логики об аксиомах и основоположениях, которые раз и навсегда признают в мире.

Сторонникам подобного представления следует напомнить слова Гоббса: если бы аксиомы геометрии задевали чьи-то интересы, они непрерывно оспаривались бы и становились бы причиной для кровопролитных войн.

АПОЛОГИЯ МЕТАФИЗИКИ

Д. В. Пивоваров

Предисловие. Мне посчастливилось присутствовать в Кембриджском университете в 1977 г. на той лекции сэра Карла Раймунда Поппера, когда этот великий британский философ отказался от своей прошлой критики теории идей Платона и объявил о своем решительном переходе на позиции платонизма. Так вот, эту свою лекцию Поппер завершил следующей запоминающейся сентенцией: «Пусть альтернативные теории убивают друг друга, но пусть авторы и сторонники этих теорий живут в мире и дружбе!». Я намеренно усугубляю теоретическую категоричность излагаемых ниже тезисов, чтобы максимально обнажить злободневность проблемы метафизики. В то же время я верю в возможность практического консенсуса и компромисса между метафизиками и их противниками.

I. Метафизика как философия *per se* и мизософия

Метафизика родилась вместе с философией, и ее невозможно победить, как бы того ни добивались адепты мизософии (мизософия – от др.-греч. *μίσος* – «ненависть, отвращение, грязь»

и Σοφία – «мудрость»; мизософия – это ненависть к мудрости, грязная философия, эрзац-любомудрие). Всякая подлинная философия *per se* (лат. *per se* – по сути, собственно, само по себе) есть метафизика, или (что то же) генеральная онтология. Понятие «философ-антиметафизик», полагая, вполнелогично квалифицировать как сочетание несочетаемого, т. е. как оксюморон. Подавляющее большинство прошлых и нынешних великих философов, начиная с Фалеса и завершая А. Ф. Лосевым и Э. В. Ильенковым, были метафизиками. Не бывает также достойной фундаментальной науки, которая бы не имела собственного метафизического фундамента. Основоположник критического рационализма Карл Поппер, например, был уверен в том, что хорошая научная теория должна начинаться с придумывания специальной онтологической схемы, но вовсе не с малопродуктивной попытки обобщить чувственные данные без посредства какой-нибудь метафизической матрицы³⁴.

Как известно, по И. Канту, есть три фундаментальных понятия метафизики: человеческое я, мир как целое и Бог. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, метафизика, как основание философии, должна изучать сверхчувственные аспекты мироздания и вырабатывать абстрактные определения сущности. По М. Хайдеггеру, метафизика есть предельное вопрошание о мире, конечности, уединении.

Един ли мир? Из чего мир построен? Есть ли сплошная и всеобщая первооснова этого континуума чувственно данных и сверхчувственных компонентов мироздания? Что первично и наиболее фундаментально – дух или материя, неметричная идея-матрица или протяженное вещество, душа или плоть, сознание или внешний мир? Именно так формулируются различные варианты основного вопроса классической метафизики.

Те, кто (подобно позитивистам, ныне исчезнувшим на Западе, но пока, увы, не в России) запрещают обсуждать эти сверхважные для человечества темы, справедливо получили прозвище «интеллектуальных полицейских в науке и в философии». Такого рода полицейские-мизософы предпочитают не утонченную классику, а весьма поверхностную, наивную «философию для чайников» на примере мытья посуды. Ее еще называют «философией примитивизма», «философской попсой», «вульгарной философией» и пр. Некоторые представители мизософии требуют целиком свести философию просто к искусству что-нибудь помыслить, а понятие «философ» логически ошибочно отождествляют с понятием «мыслитель». И выходит, будто всякий мыслитель есть философ, всякий философ есть мыслитель, а все остальные интеллектуалы к мыслителям якобы не относятся. Еще более нелепо

³⁴ Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 142–145.

понимание философии как искусства ловко использовать красивые языковые обороты, как ораторского умения глубокомысленно судить о любых окружающих предметах, например, о бытовых условиях в различных городах современного Запада или России. В таком случае, например, Гегеля никак нельзя называть подлинным философом, поскольку, он, как известно, подчас с трудом находил нужные слова для поддержания разговора о деталях повседневной жизни.

Само собой разумеется, что мизософия в форме философии поппы, философии примитивизма имеет полное право на существование и общественное признание. Она может быть не менее привлекательной для многих нынешних, так сказать, «прикладных философов», чем примитивизм живописца Нико Пиросмани или поп-музыка Андрея Данилко (Верки Сердючки). Мизософия особенно соблазнительна для тех, кто боится всяких субстанциальных тайн, стремится их «заземлить» и элиминировать в своем мироотношении. Вместе с тем, мизософию, по-моему, целесообразно все же обозначить каким-нибудь другим особым термином, который бы не вызывал у метафизиков отрицательных смысловых ассоциаций с чем-то низким и нечистым, с лжелюбовью к мудрости. Таким термином могло бы стать предложенное М. Хайдеггером красивое слово «онтика» (нечто подобное «бытоведению»). Онтика есть учение о сущем, о существовании, экзистенции – в противоположность «онтологии» как учению о бытии, сверхчувственной субстанции и сокровенных сущностях мира. Тогда нынешние мизософы-антиметафизики стали бы именоваться «онтиками».

Напомню, что сложилось множество вариантов метафизики разных степеней общности (богословие, ангелология, теория души, учения об универсалиях, числах, сущностях, монадах, об объектах научного познания и т. д.). Метафизика бывает разной: монистическая, дуалистическая, плюралистическая, а также антидиалектическая и диалектическая. Метафизика предпочитает умозрительный метод, стремится возвысить натурфилософское рассуждение над конкретикой естественнонаучных исследований, что привело в XIX в. к серьезному разладу между метафизикой и естествознанием.

И. Кант (хотя он всегда оставался истинным метафизиком), полагал, что метафизика догматична, не способна дедуктивно вывести истины о «вещах-в-себе»; она, как и теология, будто бы невозможна в качестве особой науки. Например, Кант попытался опровергнуть онтологическое доказательство бытия Бога, сформулированное Ансельмом Кентерберийским. При этом кенигсбергский любомудр намеренно и незаметно для его фанатов совершил шулерскую логическую ошибку подмены термина, а именно подменил

понятие «бытие Бога» понятием «существование Бога»³⁵. Такие штучки он неоднократно проделывал при сокрушении метафизики, используя свой прошлый опыт зарабатывания денег при помощи карточной игры (некоторые биографы Канта отмечают, что он со временем стал искусным шулером-картежником и не раз переносил это свое искусство в сферу философии). Оно и понятно: ведь Канта так и не допустили к преподаванию на богословском факультете, о чем он страстно мечтал, и тогда он пригрозил отомстить теологам, тщетно атакуя основные классические доказательства бытия Бога. Ничего у него, по сути, так и не вышло!

В XIX–XX вв. философы-позитивисты усилили критику метафизики, наивно утверждая, что суждения о сверхчувственном бытии совершенно бессмысленны. Современное естествознание, гордясь своей приверженностью к конкретике эмпирии и экспериментам, иногда пытается подменить широкий философский взгляд на мир такими сомнительными общенаучными генерализациями, как «научное мировоззрение», некая «единая научная картина мира», «ядро научной парадигмы или исследовательской программы» и др.

За что обычно ругают метафизику? Ее критики (неокантианцы, позитивисты, постмодернисты и пр.) заявляют следующее:

1) метафизика догматична, риторична, занимается только домыслами, догадками, непомерно умножает и гипостазировывает сущности;

2) ее категории не имеют точного определения и не указывают на живые реальные феномены;

3) ее нередко используют в качестве ядра идеологии как «ложного сознания»;

4) она тяготеет к кабинетам и университетам, а также к религии, теологии и схоластике;

5) метафизика скудна по своему конкретному содержанию; обращается в сфере ею же самой созданных фантомов и не заботится о том, как ее построения соотносятся с реальностью;

6) она оперирует предельными абстракциями;

7) она враждебна научному эмпиризму и философскому номинализму.

Что ж, вышесказанное критиками метафизики в известной мере справедливо. Но нетрудно показать, что все эти якобы безусловно негативные черты метафизики на деле являются также ее важными и востребованными человечеством достоинствами. Несмотря на упорное стремление ее критиков-эмпириков привить широкой публике недоверие и неприязнь к спекулятивным

³⁵ Пивоваров Д. В. Опроверг ли Иммануил Кант онтологический аргумент Ансельма Кентерберийского? // Религиоведение. 2012. № 2. С. 99–109.

и непрактичным теориям бытия и перекроить на антиметафизический лад классическую онтологию, последняя в конечном итоге брала и всегда будет брать интеллектуальный верх по той простой причине, что практический разум ее критиков, приземленный, наивный и чаще всего разрушительный, не способен конкурировать с нею на равных и создавать впечатляющие модели человеческого мироотношения. Вкус к метафизике постепенно возвращался в XX веке в Европу с появлением философии жизни, аксиологии, феноменологии, экзистенциализма, критического рационализма. Сегодня метафизика все теснее сопрягается с проблемами субстанциальных глубин человеческого бытия.

II. Творческие потенции метафизики

Поговорим теперь о достижениях, например, философско-религиозной метафизики (мне эта тема ближе, так как я 30 лет руковожу кафедрой религиоведения). Как бы ни гордились ученые-физики своими эпохальными открытиями и своей богатой экспериментальной конкретикой, тем не менее они по сей день руководствуются теми главными принципами и законами, которые ими были почерпнуты из религиозной метафизики. Правда, фундаментальные идеи, которые естествознание заимствовала у религиозной метафизики, были со временем значительно видоизменены и упрощены учеными-теоретиками.

Так, Исаак Ньютон, (прежде всего, теолог, а лишь затем математик и физик), позаимствовал (а точнее украл) открытие Робертом Гуком закона всемирного тяготения и сформулировал его в 1666 г. следующим образом. Вездесущий Бог есть Вседержитель, к Нему стягиваются все сотворенные Им вещи. Притягиваясь во все стороны к Богу, вещи тем самым косвенно притягиваются друг к другу. Отбросив ссылку на Вседержителя, современные физики-атеисты упростили метафизическое ньютоновство до бессмысленной онтической тавтологии: все вещи притягиваются друг к другу потому, что действует закон всемирного притяжения, гласящий, что все вещи притягиваются друг к другу.

Как известно, метафизик Гегель в своей «Науке логики» в 1812–1813 гг. предложил следующим образом сформулировать объединенный закон всемирного притяжения-отталкивания. Абсолют объединяет универсум через силу всеобщего притяжения и одновременно сохраняет всякое свое отдельное творение, поэтому каждая индивидуальная вещь, обороняя свое пространство от соседей, отталкивает от себя во все стороны любое инобытие. Большинство физиков с трудами Гегеля, по-видимому, не знакомились, и до сих пор они предпочитают одностороннюю теоретическую абстракцию всемирного притяжения без взаимосвязи ее с абстракцией всемирного отталкивания.

Примерно так же, из религиозной метафизики физики позаимствовали закон сохранения и превращения энергии. Метафизики-теологи рассудили так. Бог сохраняет сотворенный Им из ничего мир до «времени конца». Поскольку Вселенная рождена Творцом из ничего и могла бы быть какой угодно, то изучать мир следует исключительно экспериментально-теоретическим способом. Для этих целей в христианских монастырях западной Европы появилось и развилось экспериментально-теоретическое естествознание. Нынешние физики почему-то считают закон сохранения и превращения энергии абсолютным законом мироздания. А вот философы, во-первых, опровергают такого рода абсолютизм, резонно указывая на то, что закон сохранения и превращения энергии вовсе не действует в духовном и душевном мире, в мире субъективной реальности, в сфере сознания человека, а значит он не всеобщ. Во-вторых, религиозные метафизики ссылаются на монотеистический тезис о приближающемся «конце времен», неумолимом разрушении любых материальных систем, т. е., говоря языком физики, ссылаются на всеобщий закон роста энтропии в любой замкнутой природной системе. Отсюда они умозаключают, что законы сохранения мироздания вовсе не безусловны, они непременно сопряжены с законами разрушения всего того, что существует в мире. Об этом же самом повествует метафизико-термодинамическая теория Рудольфа Клаузиуса и Уильяма Томсона (1865) о грядущей тепловой смерти Вселенной. Так что когда-нибудь здравомыслящие физики все же прислушаются к религиозным метафизикам и вместо односторонней абстракции сохранения многообразия энергий станут опираться на синтетическую диалектику законов сохранения и разрушения.

Можно также говорить о заимствовании наукой у религиозной метафизики ряда других важнейших принципов. Так, аббат Пьер Мопертьюи в 1740 г. рассудил: «Бог мудр, не будет зря расточать энергию, поэтому всякое свободное движение происходит по кратчайшему пути». Мопертьюи ввел из теологии в физику принцип наименьшего действия, который, правда, толкуется современными физиками уже без ссылок на мудрость Бога, а потому физика даже не пытается хоть как-нибудь объяснить причину универсализма принципа наименьшего действия.

Физика заимствовала у метафизики принцип симметрии положительных и отрицательных сил и частиц (на языке религии – сил добра и зла). На принцип абсолютности скорости света А. Эйнштейна, по его собственному признанию, в 1905 г. натолкнула Тора: Бог есть Свет и Бог есть Абсолют, а потому скорость света абсолютна. Эйнштейн, правда, ошибся: в Библии речь идет о двух видах света – божественном и материальном. Божественный свет

абсолютен, но ничто материальное, в том числе поток фотонов, не бывает абсолютным. Не случайно принцип абсолютности скорости материального света сегодня некоторые продвинутые физики отвергают вместе со всем метафизическим эйнштейнством.

И вообще, так называемые «теории всего» в физике (теория большого взрыва, теория будстрапа, теория кварков, теория темной материи и темной энергии и пр.), несомненно, имеют свои впечатляющие философско-религиозные основания. Они недостаточно вняты, непосредственно не проверяемы экспериментальным путем, метафизичны по самой своей сути.

Наконец, религиозная метафизика вовсе не есть некое мракобесие и неверифицируемая фантазия малограмотных церковников, как подчас заявляют некоторые видные отечественные академики-атеисты. Истинность подлинных религий наглядно и без особого труда постоянно подтверждается фактами плодотворности тех величайших культур, которые произошли из этих религий – т. е. подтверждается их соответствием объективной реальности христианской культуры, культуры ислама, буддизма, индуизма, даосизма и пр.³⁶.

Например, каждый человек безо всякого специального образования легко, на личном опыте, способен убедиться в вечной истинности доктрины буддизма о том, что «жизнь есть страдание, а причина наших страданий – в наших непомерных желаниях; хочешь уменьшить свои страдания, борись со своими желаниями». А вот попробуйте-ка сами, лично, верифицировать, скажем, модную физическую теорию кварков. Это учение повествует о неразрывности трех элементарных «чертят», а их имя «кварки», т. е. черти, Мюррей Гелл Манн взял из произведения ирландского писателя-модерниста Джеймса Джойса «Три кварка для мистера Кларка». По Гелл Манну, кварки обладают сверхъестественными свойствами: странности, очарования, аромата, дробного заряда и т. д. Ничего у вас с подтверждением теории кварков, думаю, не выйдет по причине отсутствия у вас специального образования; к тому же, несколько не сомневаюсь, что через несколько десятилетий теория кварков будет списана в «историю физики» и станет анахронизмом, как это случалось со многими фундаментальными научными теориями. Прав Мартин Хайдеггер: «кто глубоко мыслит, тот и глубоко заблуждается»!

Так почему же, скажите, вдумываясь в достижения метафизики, что от непрактичной и умозрительной метафизики нам, философам, будто бы нужно наотрез отказываться, а поклоняться следует практичному и работающему в основном на военно-промышленный

³⁶ См.: Пивоваров Д. В. Культура и религия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 248 с.

комплекс естествознанию?! В советское время наша философия науки была по преимуществу «служанкой науки», исповедовала сциентизм, т. е. культ святого естествознания. Полагаю, нынешняя метафизика и философия науки должны, как и в Западной Европе, стать суровой «критикой науки».

Метафизика как «антидиалектика» (в гегелевско-марксистском смысле этого понятия) меня мало увлекает, и я не являюсь ее сторонником. Одни философы-рационалисты однозначно отождествляют человека с разумом, другие, сенсуалисты, – с чувствами, третьи, волюнтаристы, – исключительно с волей, четвертые, фрейдисты, – с сексуальным началом и т. д. Но ведь на самом деле человек есть диалектическое единство всех этих упомянутых его способностей (разума, чувств, воли, веры, воображения и т. д.). Мне импонирует диалектическая метафизика, унаследованная от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Николая Кузанского, Гегеля и др. Чтобы как-то формализовать диалектическую метафизику, я придумал для нее особый алгоритм, состоящий из диад, триад, тетрад и эннеад. Применяя в метафизических исследованиях предложенный алгоритм, можно получать новые философские результаты³⁷. Так что у метафизики, полагаю, есть неплохие перспективы ее творческого развития.

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ, ИЛИ ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ОКОЛОСОВРЕМЕННОСТИ ***В. В. Скоробогачкий***

Заставкой к моему выступлению могли бы стать кадры из кинофильма Тарковского, где сталкер бредет по разрушенной Зоне, ориентируясь не то на траекторию полета гайки с хвостом из бинта, не то на показания внутренних чувств, сигнализирующих об опасности. Пикник на обочине – может быть, не самое подходящее к атмосфере юбилея, но точное обозначение той ситуации около-современности, в которой находится сегодня юбиляр – бывший философский факультет и собственно философия в городе и его культурных окрестностях.

Если, обращаясь к советскому прошлому, к 1970-м и 1980-м годам, сравнить культурную атмосферу, ее состояние и качество в Свердловске, с одной стороны, в Челябинске и Перми, с другой, нетрудно прийти к выводу, что существовал некий X-фактор, определявший культурное первенство Свердловска на территории Большого Урала. Города эти в советское время были вполне

³⁷ Пивоваров Д. В. Диалектико-семантический алгоритм: общая идея // Известия Урал. гос. ун-та. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 5–10.